

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Ротштейн, Б. Коррупция и общественное доверие: почему рыба гниет с головы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Вып. 1, с. 37–60.

УДК 328.185

DOI 10.17506/ryipl.2016.17.1.3760

КОРРУПЦИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ: ПОЧЕМУ РЫБА ГНИЕТ С ГОЛОВЫ¹

Бо Ротштейн

профессор Школы управления Блаватника,
профессор-исследователь
Наффилд-колледжа Оксфордского университета,
Великобритания.
E-mail: Bo.Rothstein@bsg.ox.ac.uk

Материал поступил в редколлегию 23.03.2017 г.

В статье Бо Ротштейна обосновывается теория корреляции коррупции и доверия. На широком эмпирическом материале он показывает, что поведение людей в обществе, их готовность доверять другим людям и соблюдать общие правила игры в первую очередь зависят от их представлений о том, можно ли доверять институтам власти в этом государстве. Автор утверждает, что недоверие к государственным органам и должностным лицам из-за их подлинной или мнимой коррумпированности и нечестности с неизбежностью порождает недоверие на межличностном уровне. Последовательно аргументируя этот тезис, Ротштейн выделяет и описывает три взаимосвязанных каузальных механизма, обуславливающих корреляцию между уровнем коррупции и общественным доверием: 1) мнение о государственных служащих; 2) мнение о других людях в целом; 3) мнение о себе. Вместе с тем Ротштейн

¹ Перевод статьи публикуется с любезного разрешения автора. Оригинал текста см.: *Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down // Social Research. 2013. Vol. 80, № 4, winter. P. 1009-1032.*

закрывает свою теорию на идее человеческой природы, сущность которой он видит в стремлении к взаимности. Суть идеи взаимности состоит в том, что в своих действиях люди всегда исходят из своих представлений о возможных действиях других людей. Так, если они считают, что большинство их сограждан будут жульничать с налогами или давать взятки должностным лицам для получения желаемой выгоды или преимущества, то они будут действовать так же, чтобы не оказаться в проигрыше. В то же время принцип взаимности влияет на поведение людей и тогда, когда они полагают, что другие в большинстве своем будут соблюдать общие правила игры. Именно идея взаимности позволяет Ротштейну обосновать тезис о том, что уровень коррупции и доверия в обществе напрямую зависит от дизайна институтов.

Ключевые слова: общественное доверие, социальный капитал, коррупция, взаимность, социальные ловушки.

Общественное доверие и государство. С выходом в 1993 г. работы Роберта Патнэма «Чтобы демократия сработала», ставшей современной классикой, и изданием в 2000 г. его следующей книги «Боулинг в одиночку» исследования социального капитала приобрели огромный размах. Социальный капитал, определяемый как сочетание всеобщего (иначе называемого общественным) доверия между людьми и сетевых отношений между ними, основанных на взаимности, рассматривается в качестве ключевого ресурса как для отдельного индивида, так и для социальной группы или общества в целом [Castiglione, van Deth, Wolleb 2008; Svedsen, Svedsen 2009]. Хотя вовсе не Патнэм впервые поставил вопрос о важности социального капитала, что сам он охотно признает, именно он был тем, кто показал, как его следует использовать в серьезной и крайне сложно организованной сфере эмпирических исследований [Putnam, Leonardi, Nanetti 1993]. Исследования Патнэма главным образом представляют как попытку обосновать важность гражданского общества и добровольных объединений. Участвуя в таких объединениях, граждане учатся развивать отношения доверия в обществе и осознают ценность позитивной взаимности [Rothstein, 2011]. Многие посчитали, что это доказывает необходимость сокращения социальных обязательств государства, которое должно быть компенсировано деятельностью добровольческих объединений. Утверждалось, что в условиях «большого государства» следует ожидать наступления «эффекта вытеснения». Расширение сферы ответственности государства, доказывали критики, лишь вредит развитию активного гражданского общества [Ostrom 2000]. Более того, они настаивали на том, что в обществе, в котором правительство берет на себя ответственность за удовлетворение большого числа общественных потребностей, людям не нужно заботиться о развитии и сохранении доверительных отношений и прилагать усилия для поддержания социальных связей [Cohen, Arato 1993]. Правительства и политические организации некоторых стран активно использовали исследования в области социального капитала с целью убедить людей в том, что негативные явления в обществе обусловлены отсутствием широкой добровольческой инициативы [Putnam, Feldstein 2003; Winter 2002; Woolcock, Narayan 2000].

Однако проверка релевантности этой идеи эмпирическими методами при пересечении проблемных полей исследований социального капитала и социального доверия к удивлению многих показала, что именно скандинавские страны, вне зависимости от используемой методики измерения, оказываются в лидерах (по уровню социального доверия) [Rothstein 2002]. Можно много говорить о скандинавских странах, но в любом случае о них нельзя сказать, что их правительства имеют ограниченные социальные обязательства и проводят неинтервенционистскую политику. В действительности данные эмпирических исследований свидетельствуют, что общий уровень межличностного доверия наиболее высок в скандинавских странах. Более того, они лидируют и по уровню участия граждан в добровольческих объединениях [Uslaner 2002]. И, наконец, согласно имеющимся индексам коррупции и другим показателям «качества правительства» (КП), скандинавские страны входят в число самых «чистых» в мире [Holmberg, Rothstein 2012].

Почему общественное доверие имеет значение. Одна из причин повышенного интереса к проблеме общественного доверия заключается в том, что, согласно данным исследований, он коррелирует с целым рядом других переменных, которые для значительной части людей традиционно имеют огромное значение. На индивидуальном уровне люди, которые считают, что могут доверять большинству своих сограждан, чаще позитивно оценивают свои демократические институты, активнее участвуют в политике и взаимодействуют с общественными организациями. Они толерантнее относятся к меньшинствам и людям, которые от них отличаются. Люди с высоким уровнем доверия более оптимистично оценивают свои жизненные перспективы и, что не менее важно, в большей степени удовлетворены своей жизнью [Leung et al. 2011; Helliwell 2006, Dinesen 2013; Delhey, Newton 2005; Uslaner 2002].

Эта же позитивная модель работает и на уровне общества. Города, регионы и страны, в которых люди испытывают доверие друг к другу, чаще имеют более эффективные демократические институты, более открытую экономику и высокий экономический рост, а также более низкий уровень преступности и коррупции [Bjørnskov 2009, Keefer, Knack 2005, Richey 2010; Uslaner 2008]. И на уровне индивида, и на уровне общества многие вещи, рассматриваемые в качестве желаемых, по всей видимости, связаны с общественным доверием и социальным капиталом.

Как уже было сказано выше, уровень общественного доверия от государства к государству сильно варьируется. В Норвегии, Дании и Нидерландах около 60% населения, согласно результатам опроса, считают, что другим людям можно доверять, в то время как в Бразилии, Филиппинах и Турции этот показатель составил 10% [Rothstein, Uslaner 2005]. Относительно интерпретации предмета, измеряемого стандартным вопросом об общественном доверии, я согласен с идеей, выдвинутой Усланером [Uslaner 2002] а также Делейем и Ньютоном [Delhey, Newton 2004], которые утверждают, что ответ на вопрос о том, «можно ли доверять большинству людей», следует рассматривать как оценку респондентами моральных

устоев общества, в котором они живут. Это означает, что, как доказывал Норт, доверие можно рассматривать в качестве неформального института, а следовательно, и в качестве источника общественной солидарности, определяющей систему убеждений, руководствуясь которой различные группы социума несут коллективную ответственность за обеспечение общественными благами и возможностями тех членов общества, которые по той или иной причине оказались в меньшем достатке [см. об этом: Uslaner 2002: chap. 7].

Теоретическая причина, обуславливающая важность доверия, связана с существованием в общественных науках «проблемы, у которой много имен». К ним относятся такие понятия, как социальные дилеммы, проблема коллективного действия, обеспечение общественными благами, трагедия общин, «дилемма заключенного» [см.: Ostrom 1998]. За всеми этими метафорами стоит одна и та же проблема, которую можно сформулировать следующим образом: условные агенты осознают, что все они получают выгоду, если смогут сотрудничать. Однако такое сотрудничество не является беззатратным, а сопряжено с определенными экономическими издержками или требует других усилий от всех, кто в него вовлечен. Без участия всех или большинства агентов благо не будет создано, поскольку отдельные агенты посчитают бессмысленным внесение своего вклада в его создание, не испытывая уверенности в том, что другие, все или большинство, поступят так же. Более того, произведенное по определению будет считаться общественным благом и поэтому им смогут пользоваться все, вне зависимости от личного вклада. В этом смысле всегда существует риск, что агенты начнут действовать оппортунистически (то есть как безбилетники) в надежде воспользоваться благами, не участвуя при этом в их создании. Не обладая уверенностью, что другие не поведут себя столь вероломно, большинство агентов откажутся от участия в создании этого блага. Конечный результат подобной нехватки доверия состоит в том, что все члены группы идут к верному проигрышу, несмотря на то что знают: все непременно выиграли бы, если бы могли доверять друг другу.

Для иллюстрации проблемы можно привести бесконечное множество примеров. Нет никакого смысла быть единственным, кто перерабатывает отходы, полностью уплачивает налоги, правильно пользуется системой социального страхования, соблюдает законы, избегает участия в коррупционных делах, не злоупотребляет общими природными ресурсами или хорошо подготовился к кафедральному научному семинару. В связи с тем что доверие – это тонкая психологическая материя, которую сложно восстановить, если она нарушена, я предпочитаю метафору «социальные ловушки», поскольку у членов группы, утративших доверие друг к другу, не получится так просто симитировать или воспроизвести тот уровень доверия, который необходим, чтобы сотрудничество состоялось, даже если все они знают, что получают выгоду в случае, если смогут это сделать [Ostrom 1998; Rothstein, Uslaner 2005].

Как можно достичь доверия в обществе, если оно столь важно?

Проблема, связанная с этим подходом, заключается в том, что при наличии множества позитивных связей между общим доверием, социальным капиталом и различными желаемыми социальными и политическими результатами *источники* общественного доверия по-прежнему покрыты тайной. Другими словами, если общественное доверие/социальный капитал являются настолько важным социальным ресурсом, нам необходимо знать больше о том, как их можно создавать и поддерживать [Hooghe, Stolle 2003].

В литературе о социальном капитале сформировались две четкие позиции по вопросу о предпосылках и источниках общественного доверия. Первую позицию занимают те исследователи, которые утверждают, что различия в уровне общественного доверия следует объяснять прежде всего с помощью общество-центричных подходов [Hooghe, Stolle 2003]. Согласно этой, токвилевской, традиции, способность общества создавать социальный капитал связана с длительной практикой социальной организации, укорененной в его историческом и культурном опыте, который можно проследить на много веков назад. С точки зрения общество-центричного подхода наиболее важным механизмом производства социального капитала является регулярное общественное взаимодействие, в первую очередь через деятельность в добровольческих объединениях. В рамках токвилевской традиции формальные и неформальные объединения и сообщества рассматриваются как источники социального капитала, поскольку они способствуют развитию ценностей и норм демократии и кооперации.

Ряд исследований, проведенных в разных демократических странах в течение последних десяти лет, подверг сомнению тезис о воздействии, которое участие в добровольческих объединениях с благотворительными целями якобы оказывает на общественное доверие и готовность взаимодействовать за пределами своей группы. Несмотря на то что люди, являющиеся «активными общественниками», как правило, больше доверяют другим, их поведение представляет собой скорее результат осознанного выбора. Люди, которые по каким-то иным причинам демонстрируют высокий уровень доверия и готовность к кооперации, гораздо чаще вступают в добровольческие объединения. Тем не менее участие в подобных организациях нельзя считать подтверждением искомого признака, по крайней мере у взрослых. Более высокий уровень доверия, характерный для членов таких организаций, всецело обусловлен их доверием к своим соратникам, а их готовность к взаимодействию определяется исключительно целями группы [Stolle 2003; Uslaner 2002]. Таким образом, утверждение о том, что участие взрослых в ассоциациях *способствует созданию* социального капитала, который может быть использован в более широком общественном контексте, не выдержало опытной проверки [Armony 2004; Delhey, Newton 2003; Dinesen 2013; Claiborn, Martin 2000; Herreros 2004; Robbins 2011; Wollebæk, Selle 2003]. Для примера: по итогам одного из крупномасштабных эмпирических исследований, призванных объяснить различия в уровне общественного доверия, проведенного в рамках Всемирного обзора ценностей и охватившего не менее 60 стран, ученые пришли к следующему выводу: «...пожалуй, самым

значительным и неожиданным стало то, что ни одно из четырех измерений добровольческой деятельности не выдержало статистической проверки, несмотря на значение, которое приписывается им в многочисленных работах, начиная с Алексиса де Токвиля и далее» [Delhey, Newton 2004: 27].

Эту функцию могут выполнять иные формы социального взаимодействия, однако здесь возникает другая проблема. Даже если мы признаем важность участия в добровольных объединениях для общественного доверия, очевидно, что не все такие объединения служат достижению нормативно желаемых целей. В действительности, многие из них создаются для того, чтобы производить недоверие. Берман показал, что нацисты в Веймарской Германии использовали существующие добровольные ассоциации в качестве инструмента для своего *Machtübernahme*¹ в 1932 г. [Berman 1997]. Результаты одного из недавних исследований при помощи количественного измерения показали, что чем более плотной становилась сеть гражданских ассоциаций в немецких городах в 1919–1933 гг., тем сильнее становилась поддержка нацистской партии [Satyanath, Voigtlaender, Voth 2013].

В ответ на неспособность общество-центричного подхода разработать адекватные эмпирические индикаторы для собственных гипотез относительно того, как функционируют механизмы, создающие общественное доверие, институционально ориентированный подход в теории социального капитала утверждает, что рост доверия в обществе напрямую связан с политическим контекстом, а также с формальными политическими и правовыми институтами [Berman 1997; Encarnación 2003; Robbins 2011; Rothstein, Uslaner 2005; Rothstein, Eek 2009; Kumlin, Rothstein 2010; You Jong-sun 2012; Villoria, Van Ryan, Lavena 2013; Richey 2010]. Согласно мнению сторонников этого подхода, опирающихся в своих исследованиях на исторический анализ кейсов, эксперименты и данные, полученные при помощи *large-n* методов (или на все три), источником общественного доверия и социального капитала являются надежные, некоррупцированные, честные и справедливые органы власти, надлежащим образом осуществляющие публичную власть и функции управления. К примеру, Делей и Ньютон в результате своего исследования, упомянутого выше, пришли к выводу, что «...по-видимому, именно правительства, особенно правительства демократические и свободные от коррупции, создают структуру, в которой индивиды могут соблюдать правила и не страдать от этого и в которой они могут ожидать, что большинство людей будет вести себя так же» [Delhey, Newton 2004: 28]. На основе данных опроса, проведенного в 29 европейских странах, Бйернсков подчеркивает, что высокий уровень общественного доверия тесно связан с низким уровнем коррупции. Другое исследование, также основанное на сравнительных опросных данных, показывает, «...что политические институты, поддерживающие принципы справедливости, всеобщности и разделения властей, способствуют формированию межличностного доверия» [Freitag, Buhlmann 2005].

¹ *Machtübernahme* (нем.) – захват власти. Термин, обозначающий приход национал-социалистов к власти в Германии. (Примеч. пер.)

Используя сценарные эксперименты при исследовании корреляции между низким уровнем доверия и высоким уровнем коррупции в Румынии и высоким уровнем доверия и низким уровнем коррупции в Швеции, Ротштейн и Эек [Rothstein, Eek 2009] обнаружили, что в обеих странах люди, столкнувшиеся с коррупцией со стороны работников общественного здравоохранения или местной полиции во время пребывания в «незнакомом городе в чужой стране», утратили доверие не только к этим институтам, но также и к другим людям в целом в этом незнакомом для них сообществе. Другой пример основан на данных Европейского социального опроса, который был проведен в 2008 г. и охватил 29 стран в Западной и Восточной Европе [Svallfors 2013]. В ходе исследования респондентам задавались вопросы, касающиеся проблемы коррупции, в частности их спрашивали о том, считают ли они, что налоговые органы и органы общественного здравоохранения «наделяют отдельных людей особыми привилегиями или относятся ко всем одинаково». В итоге были получены следующие результаты: граждане, утверждавшие в ходе опроса, что они выступают за экономическое равенство, но живут в стране с низким качеством институтов власти, в ходе этого же опроса говорили о необходимости снижения налогов и сокращения расходов на социальную сферу. Между тем респонденты с аналогичными идейными установками, но живущие в других европейских странах, где, по их мнению, органы власти руководствуются принципами справедливости и беспристрастности, заявляли, что они готовы платить более высокие налоги для увеличения расходов на социальную сферу. Эти результаты подтвердились в исследовании, основанном на агрегатных данных о расходовании бюджетных средств в государстве всеобщего благосостояния и качестве управления для западных либеральных демократий [Rothstein, Samanni, Teorell 2012]. На основе контроля переменных, которые измеряют политическую мобилизацию и электоральный успех левых партий, было установлено, что чем выше качество правительства, тем выше расходы государств на общественные услуги и блага. Итак, главным выводом нашего обзора этих исследований является следующий: люди, считающие, что в их стране органы государственной власти связаны с коррупцией или другими формами несправедливости, в меньшей степени склонны поддерживать идею о том, что государство должно брать на себя бремя социальной ответственности, даже если они одобряют сами цели, преследуемые его политикой. Одна из возможных причин этого заключается в том, что они сомневаются в готовности других граждан а) платить налоги и б) не злоупотреблять социальным страхованием.

Результаты еще одного недавно проведенного масштабного опроса, охватившего 84 000 граждан/респондентов в 212 регионах в 25 европейских странах, являются веским аргументом в пользу теории о том, что высокий уровень коррупции/ низкое качество управления являются каузальными факторами, обуславливающими низкий уровень общественного доверия. В дополнение к стандартному вопросу о доверии в обществе в анкете содержались и более детальные вопросы, касающиеся того, в какой степени на основе своего опыта и восприятия люди оценивают меры региональных

властей в сфере управления, здравоохранения и образования как справедливые, качественные и свободные от коррупции. Все они использовались как инструмент измерения Качества Правительства (далее КП) [Charron, Lapuente, Rothstein 2013]. Используя как преимущество значительные различия между европейскими странами и по уровню общественного доверия, и по КП, исследователи убедительно продемонстрировали, что КП влияет на разницу в уровне общественного доверия в европейских регионах даже с учетом различий в уровне их благосостояния. Влияние гражданского участия, неравенства в доходах и этнического многообразия (определяемого как процент граждан в каждом регионе, рожденных за пределами Европейского союза) незначительно, в то время как фактор КП является сильным и устойчивым [Charron, Rothstein 2013].

Кроме того, согласно выводам этих исследователей, общественное доверие связано не с тем, что происходит «на поверхности» представительной демократической системы, а с процессами «внутри» системы управления: в полиции, судах и в органах государственной власти. Теоретическое обоснование того, почему степень доверия людей к этим двум типам политических институтов разная, состоит в следующем. Что касается системы представительства, то к числу ключевых ролей, которые играют политические институты, относятся их партийные роли. Предполагается, что политическая партия, являющаяся правящей или имеющая большинство в парламенте, будет проводить партийную идеологию. Таким образом, люди, поддерживающие правящую партию (или партии), чаще склонны доверять ей, в то время как граждане, которые выступают против идеологии правящей партии, преимущественно говорят о недоверии к ней. Тем не менее маловероятно, что этот тип доверия и недоверия, связанный с партийными пристрастиями, влияет на чье-либо доверие к другим людям в целом. Насколько мне известно, в настоящее время не существует релевантного каузального механизма, который бы связывал эти два феномена. Эмпирически статистические корреляции в данных показателях, обнаруженные в ходе опросов, являются незначительными [Rothstein, Stolle 2008].

Главный вывод, который проистекает из этого исследования, заключается в том, что основной источник различий в уровне общественного доверия следует искать на другой стороне государственного аппарата, а именно в правовых и административных институтах власти государства, ответственных за реализацию государственной политики. В некоторых исследованиях была выявлена сильная корреляция между доверием в обществе и доверием к таким правовым институтам, как полиция и суды [Rothstein, Stolle 2008; Holmberg, Weibull 2009]. Теоретическое объяснение этого обстоятельства заключается в том, что по сравнению с другими политическими институтами, осуществляющими функции государственного управления, суды, полиция и другие правовые институты государства несут особую миссию: они выявляют и наказывают людей, которые, если оперировать терминами теории игр, используют оппортунистические стратегии (я предпочитаю другой термин: *опасные*). Иными словами, работа правовых институтов состоит в том, чтобы принимать меры в отношении людей,

которым не следует доверять. Результаты факторного анализа, осуществленного в рамках Всемирного исследования ценностей, и данные опроса, проведенного в Швеции, подтвердили, что степень доверия к различным институтам управления разнится, а также что это обуславливает различные измерения в институциональном доверии [Rothstein, Stolle 2008].

Теория корреляции коррупции и доверия. Общественное доверие можно рассматривать в качестве примера того, что Норт называл неформальными общественными институтами, которые создают систему представлений о поведении других [North 1998a]. Влияние неформальных институтов, таких как общественное доверие, может проявляться в следующем: в группе (или в обществе в целом), где большинство агентов по умолчанию разделяют мнение о том, что другим можно доверять, будут ниже транзакционные издержки, а также получают развитие различные формы взаимовыгодного сотрудничества; все это было бы невозможным в условиях нехватки доверия в обществе [Svendsen, Svendsen 2003]. К примеру, недостаток доверия в экономических отношениях приведет к тому, что среди агентов, участвующих в транзакциях, будут представители лишь одного этнического клана или племени, тогда как члены других групп, унижаемых или маловлиятельных, будут исключены из данного взаимодействия. В конечном счете это обернется снижением экономической эффективности [Rose-Ackerman, Kornai 2004; ср.: Rose-Ackerman 2004].

Общественное доверие, будучи неформальным институтом, имеет важнейшее значение, когда группы или общества преуспевают в создании эффективных формальных институтов, таких как верховенство права, честные государственные структуры и свободная от коррупции система управления. Причина этого состоит в том, что данные формальные институты являются благами «второго порядка» и поэтому подвержены известной «проблеме безбилетников» в такой же мере, как оппортунистическому и опасному поведению. Именно в этом смысле общественное доверие следует рассматривать как коллективный ресурс, или социальный капитал [Coleman 1990: 99]. Это предполагает, что результат социальных и экономических взаимодействий зависит от характера влияния условий реальной жизни на формирование у агентов установок относительно того, какой взаимности следует ждать от других агентов и можно ли им доверять или нет [Fehr, Fishbacher 2005]. Согласно аргументам, приводимым в эволюционной теории игр, не следует считать, что люди будут принимать решения о том, «как играть», исходя из некоей совершенной информации о других, – просто потому что такая информация не существует. Вместо этого они попытаются получить информацию об «истории игры» других людей [Young 1998: 5]. Более того, экономическая конкуренция между рациональными агентами во все не отсеет агентов с низким уровнем доверия и не заменит их агентами с доверием более высоким, даже в долгосрочной перспективе. Напротив, как утверждал Дуглас Норт, «парадигма рационального выбора предполагает, что люди осознают свои интересы и действуют в соответствии с ними или, по крайней мере, что соревнование отсеет тех, кто принимает неверные решения, и вознаградит тех, чьи решения были правильными. Однако это

утверждение не согласуется с историческими и современными данными» [North 1998b: 493; ср.: Frohlich, Oppenheimer 2006].

В этом смысле я согласен с Миллером, что главный урок для настоящей дискуссии, который мы должны извлечь из теории некооперативных игр, не касается выбора, стратегии или индивидуальной рациональности, а заключается в том, что у нас есть все основания ожидать «дисфункциональные результаты от индивидуальной рациональности» [Miller 2000: 540]. Однако, как показывают колоссальные различия в уровне общественного доверия и коррупции между странами, нам не нужна общая (в той или иной степени структурно-функциональная) теория, основанная на некоей универсальной идее человеческого поведения. Причина проста – такая теория вряд ли будет иметь аргументы для объяснения этих различий (за исключением тех случаев, когда утверждается, что существуют генетические факторы, обуславливающие разницу в способности делать рациональный выбор или развивать общественное доверие). Нам не нужны и такие теории, которые сводятся к объяснению того, почему все общества приходят к эффективным (или дисфункциональным) с социальной точки зрения институтам. Скорее, мы нуждаемся в теории, которая сможет объяснить огромную разницу в уровнях общественного доверия и коррупции, а также в качестве существующих сегодня правительств. Проще говоря, такая теория, к примеру, должна быть способна дать ответ на вопрос, почему в Дании уровень коррупции ниже, чем в Нигерии, а уровень общественного доверия в Финляндии существенно выше, чем в Румынии, а также почему мексиканские неформальные социальные институты, способствующие развитию рыночных отношений, отличаются от канадских.

Эпистемологический подход, известный нам как научный реализм, уделяет особое внимание тому, как теории объясняют функционирование каузальных механизмов между переменными [McDonald 2003; Shapiro 2005]. Целый ряд исследований в области социальной психологии показал важность общественного доверия для достижения социально значимого результата в ситуациях «социальных ловушек» [Dawes, Messick 2000; Sally 1995]. Другие исследования в этой области также подтверждают, что процедурная справедливость оказывает позитивное воздействие на готовность людей принять результаты, являющиеся для них негативными [Tyler 2003]. Тем не менее, как утверждали Де Кремер и его соавторы, «хотя влияние процедурной справедливости на поведение ... представляется логичным с теоретической точки зрения, удивительным образом мало кто пытался понять, почему оно имеет место» [De Cremer, Tyler, den Ouden 2005: 395]. Результаты, которые они представили в своем исследовании (основанном, в числе прочего, на сценарных экспериментах), свидетельствуют, что «справедливые процедуры» способствуют росту кооперации. Я полагаю, это обусловлено следующей причиной: восприятие институтов как справедливых ведет к укреплению идентичности группы и связи с ней, вследствие чего цели группы воспринимаются индивидами в качестве своих собственных. «Справедливые и уважительные отношения будут способствовать укреплению у членов группы чувства причастности», что в свою очередь ведет к росту доверия в обществе [De Cremer,

Tyler, den Ouden 2005: 402]. Это соответствует экспериментальным данным, полученным в рамках «игры горизонтального доверия», которые показали, что люди с более сильным чувством причастности к группе убеждены, что другие члены группы будут поступать так же, как они [Ostrom 2005: 74].

Тот факт, что люди, живущие в странах с более высоким уровнем коррупции, должны меньше доверять друг другу, не является самоочевидным. Аргумент в пользу обратного: в любом коррумпированном или клиентелистском обществе простые граждане вынуждены развивать сети неформальных социальных связей, которым они могли бы доверять. Впрочем, этот аргумент не кажется нам достоверным. Вместо этого в таких обществах между людьми нарастают недоверие, зависть, пессимизм и цинизм по отношению к «людям в целом» [Csepeli et al. 2004]. Тип доверия, который может установиться в таких обществах, Усланер называет «партикуляризированным» [Uslaner 2002]. Последний характеризуется тем, что отдельный индивид способен доверять только самым близким друзьям и родственникам и с недоверием относится к людям, находящимся за пределами его близкого круга. Усланер показывает, что такой тип доверия в действительности противоположен общественному доверию, которое подразумевает готовность позволить людям, вас не знающим, сомневаться в вас и позитивно оценивать ваше будущее взаимодействие с «другими людьми в целом».

Итак, предлагаемая мной теория основана на предположении, что, когда речь идет о формировании представлений об общественном доверии, люди исходят из поведения должностных лиц, с которыми им приходилось сталкиваться. Так как невозможно знать заранее, заслуживают ли доверия «большинство членов общества», люди вынуждены полагаться на «неполную информацию». Поскольку общественное доверие, как было сказано выше, можно интерпретировать как моральную оценку людьми общества, в котором они живут, полагаю оправданным, что при решении вопроса о том, в какой степени можно доверять другим, люди оценивают поведение должностных лиц в качестве одного из основных параметров. В экспериментальной теории некооперативных игр этот феномен известен как эвристика. Здесь речь идет об особом роде идей, используемых людьми в условиях нехватки информации, когда им необходимо решить, следует ли доверять другим людям, с которыми они вынуждены взаимодействовать [ср.: Ostrom 2005: 98]. Теория корреляции коррупции и доверия включает в себя три взаимосвязанных каузальных механизма [см.: Rothstein 2011: chap. 7]:

Мнение о государственных служащих. Если в обществе бытует мнение о том, что чиновники являются коррумпированными, нечестными или незаслуживающими доверия, то граждане будут убеждены в невозможности доверять даже тем людям, которым законом предписано служить интересам общества. Из этого они сделают вывод, что другим людям также нельзя доверять.

Мнение о людях в целом. Граждане будут видеть, что большинство членов общества, где государственные служащие поражены коррупцией, вынуждены участвовать в коррупционных и иных подобных практиках, чтобы получить то, что, как они считают, им причитается по праву. Таким образом, они придут к выводу, что большинству других людей нельзя доверять.

Мнение о себе. Индивид придет к мысли, что для того, чтобы выжить в таком обществе, сам он также будет вынужден вступать в коррупционные и клиентелистские практики. Таким образом, тот факт, что сам этот индивид является тем, кому нельзя доверять, ведет к тому же выводу, что и в первом, и во втором случае, а именно что *большинству людей нельзя доверять*.

Эти каузальные механизмы предполагают, что индивиды делают свои выводы, опираясь на ту информацию о функционировании общества, которая им доступна и которая в значительной степени зависит от их восприятия действий госслужащих. Безусловно, эта информация не обязательно должна быть правдивой или связанной с личным опытом. Слухи, толки, коллективная память и тому подобное также являются частью этого процесса. Проще говоря, у индивидов нет иного выбора, кроме как исходить в своих суждениях из той несовершенной информации, которая им доступна.

Первый механизм предполагает, что индивиды рассуждают примерно следующим образом: «Если это доказывает, что доверять местным полицейским, судьям, учителям и врачам нельзя, тогда кому в этом обществе я могу доверять?». Этика государственных служащих здесь приобретает ключевое значение не только в плане того, как они выполняют свою работу, но и того, какие сигналы они посылают гражданам о том, какого рода «игра» ведется в обществе. Два других механизма логически возникают из первого. Люди составляют свои суждения о других на основе наблюдений за их действиями, но то же самое они делают и в отношении себя. Как гласит поговорка, «Познай себя – и познаешь других».

Взаимность, коррупция и общественное доверие. Вступая в борьбу за общество с низким уровнем коррупции и высоким уровнем общественного доверия, важно начать с правильного понимания «человеческой природы». Идеи о «сущности природы человека» имеют долгую историю в социальных науках. Я считаю, что вопрос о ней в конечном счете был решен благодаря экспериментальным исследованиям [Henrich et al. 2010; Bicchieri, Xiao 2009; Fehr, Gintis 2007; Henrich 2004; Gintis et al. 2005]. Вкратце, эти исследования пришли к отказу от понимания человека как «человека экономического». Их результаты, основанные на лабораторных, полевых исследованиях и опросах, которые отрицают корректность позиционирования человека как рационального агента, стремящегося к максимизации пользы, сегодня стали неоспоримыми. Безусловно, соображения собственной выгоды оказывают значительное влияние на действия человека, однако вовсе не являются определяющим фактором, как утверждалось в неоклассической экономической теории. Более того, было бы невозможно решить проблему коррупции, если бы стремление индивида максимизировать личную выгоду было единственным фактором, определяющим его поведение. Дело в том, что такие индивиды неизбежно поддавались бы искушению «стать безбилетниками». Если бы большинство людей поступало таким образом, то никогда бы не возникли институты, свободные от коррупции, и даже если бы они все же появились по какому-то случайному стечению обстоятельств, они бы неизбежно распались. Если бы все агенты действовали согласно этой формуле, прописанной в неоклассической экономической

теории, рано или поздно, в результате своих же собственных интриг, они пришли бы к некоему частичному равновесию. Так возникает ситуация «социальной ловушки», при которой положение всех агентов неизбежно ухудшится, поскольку, даже зная, что все они выиграют от кооперации, но не веря в то, что другие будут участвовать, они сами откажутся от участия в ней [Rothstein, Uslaner 2005].

Вместе с тем из этих новых экспериментальных (частично полевых) данных вовсе не следует, что люди являются благодушными альтруистами, готовыми довериться другим людям в чем угодно. Само по себе доверие, конечно, не является ценностью (в отличие от благонадежности), поскольку склонные доверять конъюнктурные, коррумпируемые и ненадежные индивиды или организации не только недальновидны, но зачастую довольно опасны. К счастью, столь доверчивые индивиды встречаются достаточно редко. В действительности экспериментальные исследования, о которых речь шла выше, говорят об обратном, а именно что исходной установкой в поведении человека является взаимность. Центральная идея здесь состоит в том, что поведение людей не определяется исключительно утилитарными расчетами или нормами, навязываемыми культурой. На первый план в качестве главного фактора, детерминирующего человеческое поведение, выдвигается перспективное стратегическое мышление, выражающееся в том, что агенты всегда действуют так или иначе в зависимости от того, что они думают о возможных действиях других агентов. Таким образом, идея взаимности позволяет коренным образом пересмотреть наш подход к пониманию и объяснению человеческого поведения. Вместо того чтобы оглядываться назад в поисках причин, обуславливающих различия в утилитарных устремлениях индивидов и нормах, навязываемых культурой, следует попытаться понять, как формируются представления индивидов о возможном поведении «других людей» в будущем, и в первую очередь об их благонадежности. Исторический опыт и «коллективная память» также играют некоторую роль в этом процессе, однако исследования все-таки показывают, что люди пересматривают свои представления именно исходя из новой информации [Boyd, Gintis, Bowles 2010].

Что касается влияния социального доверия и кооперации на проблему общественного блага, то, как показывают результаты исследований, большинство людей готовы сотрудничать для достижения общих целей, даже если лично не извлекут из этого никакой материальной выгоды [Levi 1998]. Тем не менее для того, чтобы такое сотрудничество состоялось, необходимо соблюдение трех важных условий. Во-первых, люди должны быть уверены, что проводимая политика является справедливой (речь идет о субстанциональной справедливости). Во-вторых, они должны быть уверены, что другие агенты, с которыми им предстоит взаимодействовать, заслуживают доверия, то есть что эти другие агенты не будут «безбилетниками». В-третьих, они также должны быть убеждены, что политика осуществляется беспристрастно и справедливыми методами [Levi 1998; Rothstein 1998]. Первое условие должно исследоваться в рамках политической философии. Однако в противовес убеждению большинства философов о том, что общие

цели нормативно оправданны, этого вовсе не достаточно для того, чтобы мотивировать людей к сотрудничеству. Они также должны быть уверены, что в обществе существуют такие институты, благодаря которым случаи нарушения общих правил будут исключением. Например, налоговые органы, которые допускают массовое уклонение от уплаты налогов, или система социального страхования, которая не способна обеспечить контроль за злоупотреблениями и растратами, окажут губительное воздействие не только на достижение целей, считающихся справедливыми, но и на общественное доверие. Кроме того, требование процедурной справедливости предполагает, что государственные институты должны быть в состоянии обеспечить общество благами и услугами и контролировать проявления «оппортунистического поведения» приемлемыми способами, правомерными и корректными. Эта идея была сформулирована самым выдающимся философом современности, Джоном Ролзом, в его следующем пассаже:

«Справедливая система должна генерировать собственную поддержку. Это означает, что она должна быть устроена таким образом, чтобы вызывать в своих членах соответствующее чувство справедливости, действенное желание вести себя в соответствии с ее правилами, исходя из доводов справедливости. Таким образом, требование стабильности и критерий препятствования желаниям, вступающим в конфликт с принципами справедливости, налагают дальнейшие ограничения на институты. Они должны быть не только справедливыми, но и устроены таким образом, чтобы поощрять добродетель справедливости в тех, кто принимает в них участие»¹ [Rawls 1971: 261].

Главное в этой цитате – то, что Ролз подчеркивает: для того чтобы система кооперации стала устойчивой, мы должны знать о существовании механизма обратной связи между поддержкой людьми принципов справедливости и их представлениями о качестве институтов, созданных для претворения этих принципов в жизнь [Kumlin 2004]. Как было показано ранее, результаты недавних исследований полностью согласуются с аргументами Ролза в части того, что индивидуальные представления о присущих государственным институтам формах несправедливости (или неэффективности) оказывают сильнейшее влияние на мнение человека о том, можно ли в этом обществе доверять «другим людям в целом». Мой собственный вывод из этих исследований состоит в следующем: если граждане считают, что институты управления в их государстве коррумпированы и не честны, то они, скорее всего, будут в меньшей степени согласны с идеей о необходимости коллективной ответственности за политику, направленную на расширение социальной справедливости, даже если их убеждения согласуются с целями этой политики. И это обусловлено вовсе не тем, что они выступают против расширения социальной справедливости и общественного сектора, а убеждением, что их доверие к другим не будет взаимным.

Перевод взят из кн.: Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосибир. ун-та. 1995. С. 234.

Взаимобуловленнaя природа доверия и коррупци. Важно понимать, что у взаимности есть обратная сторона. И история, и многие современные события, равно как и экспериментальные данные, показывают, что «обычные люди» готовы пойти на самые ужасные преступления против других людей, если убеждены, что в противном случае эти «другие люди» причинят им вред (опять же если их действия не направлены на получение личной выгоды). Однако такая негативная взаимность имеет место и при менее драматичных (и ужасных) обстоятельствах. Как отмечают Фер и Фишбахер, «если люди считают, что жульничество с налогами, коррупция и злоупотребление благами социального государства широко распространены, то, скорее всего, они также будут жульничать с налогами, брать взятки или злоупотреблять институтами социального государства» [Fehr, Fischbacher 2005: 167]. Недоверие к другим агентам или институтам может создать порочный круг, способный разрушить любую систему или стратегию, разработанную с целью развития сотрудничества в обществе. Ролз очень ясно видел эту проблему между институциональным дизайном и поддержкой принципов справедливости (что большинство последователей его политической философии, к сожалению, оставили без внимания):

«Хотя люди и знают, что они разделяют общий смысл справедливости и что каждый из них хочет придерживаться существующего устройства, они тем не менее могут не быть полностью уверены друг в друге. Они могут подозревать, что некоторые не выполняют своей доли обязанностей, и у них может возникнуть искушение уклониться от выполнения и своей доли. Общее осознание таких искушений может в конце концов обрушить весь этот порядок. Подозрение, что другие не выполняют своих обязанностей и обязательств, усиливается и тем, что в отсутствие авторитарной интерпретации и применения законов особенно легко найти причины для их нарушения»¹ [Rawls 1971, 240].

Очевидно, что Ролз говорит здесь о проблеме взаимности в форме доверия к другим («уверенности»), а также доказывает, что именно существование институциональных механизмов позволяет справиться с проблемой «безбилетников» и другими формами антисоциального и оппортунистического поведения, – механизмов, которые позволяют предотвратить распад систем, основанных на принципах справедливости.

Таким образом, мы приходим к заключению, что взаимность как базовый элемент природы поведения человека может носить двойственный характер. С одной стороны, идея взаимности отвергает цинизм в отношении человеческой природы, присущий теориям, основанным на идее выгоды, которые доминировали в экономических подходах в социальных науках [Ostrom 1998; Ostrom 2000]. С другой стороны, идея взаимности противоречит и наивной идее о том, что доверие и доброжелательность составляют суть природы человека. На самом деле идея взаимности говорит нам о том, что если при помощи соответствующего дизайна институтов можно заставить других людей поверить в то, что большинство агентов в их обществе будут

¹ Перевод взят из кн.: Ролз Д. Теория справедливости. С. 214.

соблюдать общие правила игры, тогда сами они будут действовать так же. В противном случае они будут уклоняться от соблюдения этих правил, даже если в результате своих действий они окажутся в ситуации социальной ловушки, губительной для их собственных интересов.

То, что взаимность может носить двойственный характер, демонстрируют и разнообразные рейтинги стран, коих сейчас существует в избытке. К примеру, уровень коррупции обнаруживает ошеломляющую разницу между странами. Это же отдельное «общественное зло» хорошо показывает, почему исследование природы человека следует начинать с идеи взаимности, а не с других конкурирующих с ней идей. Если бы мы полагались на культурные объяснения, то мы должны были бы сказать нашим братьям и сестрам, к примеру, в Нигерии, что высокий уровень коррупции в их стране обусловлен их порочной культурой. В случае же, если бы мы исходили из объяснений, основанных на идее выгоды, мы бы не смогли ответить на вопрос о том, чем обусловлены колоссальные различия в уровне коррупции, не прибегая к аргументам, связанным с генетическими или культурными отличиями. Однако если мы исходим из идеи взаимности, то объяснение, допустим, высокого уровня коррупции в Пакистане будет состоять в том, что государственные институты в этой стране функционируют таким образом, что большинство граждан справедливо полагают, что другие агенты будут участвовать в коррупционных практиках, и поэтому у них нет никаких оснований считать, что «другим людям в целом можно доверять» [Rothstein 2011]. Проще говоря, нет никакого смысла быть единственным честным полицейским в насквозь коррумпированной полиции.

Важно подчеркнуть, что в отличие от неоклассической экономической теории мы не находим никакой причины считать, что общества (или любая группа агентов) могут создавать некоррумпированные, беспристрастные и справедливые институты, которые бы способствовали их процветанию. Беглый взгляд на доступные данные измерений показывает, что подавляющее большинство всего населения мира живет под властью либо существенно коррумпированной, либо уже насквозь пронизанной коррупцией [Holmberg, Rothstein 2012]. Как оказалось, история отнюдь не рациональна. Высокий уровень коррупции и низкий уровень КП, которые мы наблюдаем в большинстве современных стран, как мы видим из опыта, оказывает разрушающее воздействие на благосостояние и благополучие общества, здоровье и удовлетворенность жизнью и, конечно, на общественное доверие. Жизнь большинства людей в подобных условиях, как однажды сказал другой известный философ, похоже, будет «одинокой, бедной, жестокой, скверной и короткой».

Перевод Е.А. Вахрушевой¹

Translated from English by E.A. Vakhrusheva².

¹ Вахрушева Евгения Александровна – младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН.

² Vakhrusheva Evgenia, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: snowdrop7j@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Armony A.C. 2004. *The Dubious Link: Civic Engagement and Democratization*. Stanford : Stanford Univ. Press. 312 p.
- Berman S. 1997. *Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic* // *World Politics*. Vol. 49, № 3. P. 401-429.
- Bicchieri C., Xiao E. 2009. *Do the Right Thing: But Only if Others Do So* // *J. of Behavioral Decision Making*. Vol. 22, № 2. P. 191-208.
- Bjørnskov C. 2009. *Economic Growth* // *Handbook of Social Capital* / ed. by Gert T. Svendsen and Gunnar L. H. Svendsen. Cheltenham, UK : Edward Elgar. P. 337-353.
- Boyd R., Gintis H., Bowles S. 2010. *Coordinated Punishment of Defectors Sustains Cooperation and Can Proliferate When Rare* // *Science*. Vol. 328, № 5978. P. 617-620.
- Castiglione D., van Deth J., Wolleb G. (eds.) 2008. *Handbook of Social Capital* / eds. Dario Castiglione, Jan van Deth, and Guglielmo Wolleb. Oxford : Oxford Univ. Press. 744 p.
- Charron N., Lapuente V., Rothstein B. 2013. *Quality of Government and Corruption from a European Perspective: A Comparative Study of Good Government in EU Regions*. Cheltenham, UK : Edward Elgar.
- Charron N., Rothstein B. 2013. *The Effect of Quality of Government on Social Trust in European Regions*. Gothenburg : The Quality of Government Institute : Univ. of Gothenburg.
- Claiborn M.P., Martin P.S. 2000. *Trusting and Joining? An Empirical Test of the Reciprocal Nature of Social Capital* // *Political Behavior*. Vol. 22, № 4. P. 267-291.
- Cohen J.L., Arato A. 1993. *Civil Society and Political Theory*. Cambridge : MIT Press. 800 p.
- Coleman J.S. 1990. *Foundations of Social Theory*. Cambridge : Harvard Univ. Press. 1014 p.
- Csepeli G. et. al. 2004. *Blindness to Success: Social Psychological Objectives Along the Way to a Market Economy in Eastern Europe* / G. Csepeli, A. Örkény, M. Székelyi, B. Ildikó // *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition* / ed. by János Kornai, Bo Rothstein and Susan Rose-Ackerman. New York : Palgrave Macmillan. P. 213-240.
- Dawes R.M., Messick D.M. 2000. *Social Dilemmas* // *International J. of Psychology*. Vol. 35, № 2. P. 11-116.
- De Cremer D., Tyler T.R., den Ouden N. 2005. *Managing Cooperation via Procedural Fairness: The Mediating Influence of Self-Other Merging* // *J. of Economic Psychology*. № 26. P. 393-406.
- Delhey J., Newton K. 2003. *Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Societies* // *European Societies*. Vol. 5, № 2. P. 93-137.
- Delhey J., Newton K. 2004. *Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism*. Berlin : Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. 40 p.
- Delhey J., Newton K. 2005. *Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism?* // *European Sociological Review*. Vol. 21, № 4. P. 311-327.
- Dinesen P.T. 2013. *Where You Come From or Where You Live? Examining the Cultural and Institutional Explanation of Generalized Trust Using Migration as a Natural Experiment* // *European Sociological Review*. Vol. 29, № 1. P. 114-128.
- Encarnación O.G. 2003. *The Myth of Civil Society: Social Capital and Democratic Consolidation in Spain and Brazil*. New York : Palgrave Macmillan. 244 p.
- Fehr E., Fischbacher Urs. 2005. *The Economics of Strong Reciprocity* // *Moral Sentiments and Material Interests. The Foundations for Cooperation in Economic Life* / ed. by Herbert Gintis, Samuel Bowles, Robert Boyd and Ernst Fehr. Cambridge : MIT Press. P. 151-193.

Fehr E., Gintis H. 2007. Human Motivation and Social Cooperation: Experimental and Analytical Foundations // *Annual Rev. of Sociology*. № 33. P. 43-64.

Freitag M., Buhlmann M. 2005. Political Institutions and the Formation of Social Trust. An International Comparison // *Politische Vierteljahresschrift*. Vol. 46, № 4. P. 575-586.

Frohlich N., Oppenheimer J.A. 2006. Skating on Thin Ice: Cracks in the Public Choice Foundation // *J. of Theoretical Politics*. Vol. 18, № 3. P. 235-266.

Gintis H. et al. (eds.) 2005. Moral Sentiments and Material Interests. The Foundations for Cooperation in Economic Life / eds. Herbert Gintis, Samuel Bowles, Robert Boyd, and Ernst Fehr, Cambridge : MIT Press. 416 p.

Helliwell J.F. 2006. Well-Being, Social Capital, and Public Policy: What's New? // *Economic J*. Vol. 116, № 510. P. C34-C45.

Henrich J. et al. 2010. Markets, Religion, Community Size, and the Evolution of Fairness and Punishment / J. Henrich, J. Ensminger, R. McElreath et al. // *Science*. Vol. 327, № 5972. P. 1480-1484.

Henrich J.P. 2004. Foundations of Human Sociality: Economic Experiments and Ethnographic Evidence from Fifteen Small-Scale Societies. New York : Oxford Univ. Press. 472 p.

Herreros F. 2004. The Problem of Forming Social Capital: Why Trust? New York : Palgrave Macmillan. 125 p.

Holmberg S., Rothstein B. (eds.) 2012. Good Government: The Relevance of Political Science / eds. Sören Holmberg and Bo Rothstein. Cheltenham, UK : Edward Elgar. 368 p.

Holmberg S., Weibull L. (eds.) 2009. Swedish trends : 1986–2008 / Sören Holmberg och Lennart Weibull (eds.). Göteborg : SOM Institute, Göteborgs university. 67 s.

Hooghe M., Stolle D. (eds.) 2003. Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in a Comparative Perspective / eds. Marc Hooghe and Dietlind Stolle. New York : Palgrave Macmillan. 248 p.

Keefer P., Knack S. 2005. Social Capital, Social Norms and the New Institutional Economics // *Handbook of New Institutional Economics* / ed. by Claude Menard and Mary M. Shirley. Amsterdam : Springer. P. 701-725.

Kumlin S. 2004. The Personal and the Political: How Personal Welfare State Experiences Affect Political Trust and Ideology. New York : Palgrave Macmillan. 222 p.

Kumlin S., Rothstein B. 2010. Questioning the New Liberal Dilemma: Immigrants, Social Networks and Institutional Fairness // *Comparative Politics*. Vol. 41, № 1. P. 63-87.

Leung A. et al. 2011. Searching for Happiness: The Importance of Social Capital / A. Leung, C. Kier, T. Fung, L. Fung, R. Sproule // *J. of Happiness Studies*. Vol. 12, № 3. P. 443-462.

Levi M. 1998. Consent, Dissent, and Patriotism. New York : Cambridge Univ. Press. 276 p.

McDonald P.K. 2003. Useful Fiction or Miracle Maker: The Competing Epistemological Foundations of Rational Choice Theory // *American Political Science Review*. Vol. 97, № 4. P. 551-565.

Miller G.J. 2000. Rational Choice and Dysfunctional Institutions // *Governance*. Vol. 13, № 4. P. 535-547.

North D.C. 1998a. Economic Performance Through Time // *The New Institutionalism in Sociology* / ed. by Mary C. Brinton and Victor Nee. New York : Russell Sage Foundation. P. 247-257.

North D.C. 1998b. Where Have We Been and Where Are We Going? // *Economics, Values and Organization* / ed. by Avner Ben-Ner and Louis Putterman. Cambridge : Cambridge Univ. Press. P. 491-508.

- Ostrom E. 1998. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action // *American Political Science Review*. Vol. 92, № 1. P. 1-23.
- Ostrom E. 2000. Crowding Out Citizenship // *Scandinavian Political Studies*. Vol. 23, № 1. P. 3-16.
- Ostrom E. 2005. *Understanding Institutional Diversity*. Princeton : Princeton Univ. Press. XV, 355 p.
- Putnam R.D, Leonardi R., Nanetti R.Y. 1993. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton : Princeton Univ. Press. 258 p.
- Putnam R.D., Feldstein L.D. 2003. *Better Together: Restoring the American Community*. New York : Simon and Schuster. 336 p.
- Rawls J. 1971. *A Theory of Justice*. Oxford : Oxford Univ. Press.
- Richey S. 2010. The Impact of Corruption on Social Trust // *American Politics Research*. Vol. 38, № 4. P. 676-690.
- Robbins B.G. 2011. Neither Government nor Community Alone: A Test of State-Centered Models of Generalized Trust // *Rationality and Society*. Vol. 23, № 3. P. 304-346.
- Rose-Ackerman S. 2004. *Establishing the Rule of Law // When States Fail: Causes and Consequences* / ed. by Robert I. Rotberg. Princeton : Princeton Univ. Press. P. 182-218.
- Rose-Ackerman S., Kornai J. (eds.) 2004. *Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition* / eds. Susan Rose-Ackerman and János Kornai. New York : Palgrave Macmillan. 222 p.
- Rothstein B. 1998. *Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press. 272 p.
- Rothstein B. 2002. Sweden: Social Capital in the Social Democratic State // *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society* / ed. by Robert D. Putnam. Oxford : Oxford Univ. Press. P. 289-333.
- Rothstein B. 2011. *The Quality of Government: Corruption, Social Trust and Inequality in a Comparative Perspective*. Chicago : Univ. of Chicago Press. 304 p.
- Rothstein B., Eek D. 2009. Political Corruption and Social Trust: An Experimental Approach // *Rationality and Society*. Vol. 21, № 1. P. 81-112.
- Rothstein B., Samanni M., Teorell J. 2012. Explaining the Welfare State: Power Resources vs. the Quality of Government // *European Political Science Review*. Vol. 4, № 1. P. 1-28.
- Rothstein B., Stolle D. 2008. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // *Comparative Politics*. Vol. 40, № 4, pp. 441-459.
- Rothstein B., Uslaner E.M. 2005. All for All. Equality, Corruption and Social Trust // *World Politics*. Vol. 58, № 3. P. 41-73.
- Sally D. 1995. Conversation and Cooperation in Social Dilemmas: A Metaanalysis of Experiments from 1958 to 1992 // *Rationality and Society*. Vol. 7, № 1. P. 58-92.
- Satyanath S., Voigtlaender N., Voth H.-J. 2013. *Bowling for Fascism: Social Capital and the Rise of the Nazi Party in Weimar Germany 1919–33*. Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research. 56 p.
- Shapiro I. 2005. *The Flight From Reality in Human Sciences*. Princeton : Princeton Univ. Press. 232 p.
- Stolle D. 2003. The Sources of Social Capital // *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in a Comparative Perspective* / ed. by Marc Hooghe and Dietlind Stolle. New York : Palgrave Macmillan. P. 18-40.
- Svallfors S. 2013. Government Quality, Egalitarianism, and Attitudes to Taxes and Social Spending: A European Comparison // *European Political Science Review* (online preview). Vol. 5, № 3. P. 363-380.

Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. 2003. On the Wealth of Nations: Bourdieueconomics and Social Capital // *Theory and Society*. Vol. 32, № 5-6. P. 607-631.

Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. (eds.) 2009. *Handbook of Social Capital: The Troika of Sociology, Political Science and Economics* / ed. by Gert Tinggaard Svendsen, Gunnar Lind Haase Svendsen. Cheltenham, UK : Edward Elgar. XVII, 460 p.

Tyler T.R. 2003. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law // *Crime and Justice. An Annual Review of Research*. № 30. P. 283-337.

Uslaner E.M. 2002. *The Moral Foundation of Trust*. New York : Cambridge Univ. Press. 298 p.

Uslaner E.M. 2008. *Corruption, Inequality, and the Rule of Law: The Bulging Pocket Makes the Easy Life*. Cambridge, UK ; New York : Cambridge Univ. Press. XIII, 345 p.

Villoria M., Van Ryan G.G., Lavena C.F. 2013. Social and Political Consequences of Administrative Corruption: A Study of Public Perceptions in Spain // *Public Administration Review*. Vol. 73, № 1. P. 85-94.

Winter I. (ed.) 2002. *Social Capital and Public Policy in Australia* / ed. Ian Winter. Melbourne : Australian Institute of Family Studies. 324 p.

Wollebæk D., Selle P. 2003. Participation and Social Capital Formation: Norway in a Comparative Perspective // *Scandinavian Political Studies*. Vol. 26, № 1. P. 67-91.

Woolcock M., Narayan D. 2000. Social Capital: Implications for Development Theory, Research and Policy // *The World Bank Research Observer*. № 15. P. 225-249.

You Jong-sun. 2012. Social Trust: Fairness Matters More Than Homogeneity // *Political Psychology*. Vol. 33, № 5. P. 701-721.

Young H.P. 1998. *Individual Strategy and Social Structure: An Evolutionary Theory of Institutions*. Princeton : Princeton Univ. Press. 208 p.

B. Rothstein. Korrupciya i obshestvennoe doverie: potcemu riba gniet s golovi [Corruption and social trust: why the fish rots from head down] // *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 37-60. (in Russ.).

Bo Rothstein, Professor of Government and Public Policy, Blavatnik School of Government, Professorial Fellow – Nuffield College, University of Oxford, UK. E-mail: Bo.Rothstein@bsg.ox.ac.uk

Article received 23.03.2017, accepted 28.12.2016, available online 01.04.2017.

CORRUPTION AND SOCIAL TRUST: WHY THE FISH ROTTS FROM HEAD DOWN

Abstract: In the article, the theory of correlation between corruption and trust is substantiated. On a broad empirical basis, it is shown that the behavior of people in society, their ability to trust other people, and to observe the general rules of the game primarily depends on their beliefs about whether they can trust public institutions of the state. The author argues that the lack of trust in state institutions and public officials because of their corruptness and dishonesty – irrespective of whether it is true or not – inevitably generates distrust at the interpersonal level. Consistently proving this thesis, the author distinguishes and describes three interrelated causal mechanisms that

determine correlation between corruption and social trust: 1) the inference from public officials; 2) the inference from people in general, and 3) the inference from oneself. At the same time, the author's theory ends up in the idea of human nature, the essence of which he sees in the pursuit of reciprocity. The idea of reciprocity implies that people always decide how to act relying on their beliefs about how the others will act in the future. Thus, if they believe that most of their fellow citizens cheat on taxes or bribe officials to obtain a desired benefit or advantage, they will act exactly in the same way in order not to lose. At the same time, the principle of reciprocity works when people believe that the others will likely observe the general rules of the game. It is the idea of reciprocity that allows the author to substantiate the thesis that the level of corruption and trust in society directly depends on the design of institutions.

Keywords: social trust, social capital, corruption, reciprocity, social traps.

References

- Armony A.C. *The Dubious Link: Civic Engagement and Democratization*, Stanford, Stanford Univ. Press, 2004, 312 p.
- Berman S. Civil Society and the Collapse of the Weimar Republic, *World Politics*, 1997, vol. 49, no. 3, pp. 401-429.
- Bicchieri C., Xiao E. Do the Right Thing: But Only if Others Do So, *Journal of Behavioral Decision Making*, 2009, vol. 22, no. 2, pp. 191-208. doi: 10.1002/bdm.621.
- Bjørnskov C. Economic Growth, *Svendsen Gert T., Svendsen Gunnar L.H. (eds.) Handbook of Social Capital*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2009, pp. 337-353.
- Boyd R., Gintis H., Bowles S. Coordinated Punishment of Defectors Sustains Cooperation and Can Proliferate When Rare, *Science*, 2010, vol. 328, no. 5978, pp. 617-620.
- Castiglione D., van Deth J., Wolleb G. (eds.) *Handbook of Social Capital*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2008, 744 p.
- Charron N., Lapuente V., Rothstein B. *Quality of Government and Corruption from a European Perspective: A Comparative Study of Good Government in EU Regions*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2013.
- Charron N., Rothstein B. *The Effect of Quality of Government on Social Trust in European Regions*, Gothenburg, The Quality of Government Institute, Univ. of Gothenburg, 2013.
- Claiborn M.P., Martin P.S. Trusting and Joining? An Empirical Test of the Reciprocal Nature of Social Capital, *Political Behavior*, 2000, vol. 22, no. 4, pp. 267-291.
- Cohen J.L., Arato A. *Civil Society and Political Theory*, Cambridge, MIT Press, 1993, 800 p.
- Coleman J.S. *Foundations of Social Theory*, Cambridge, Harvard Univ. Press, 1990, 1014 p.
- Csepeli G., Örkény A., Székelyi M., Ildikó B. Blindness to Success: Social Psychological Objectives Along the Way to a Market Economy in Eastern Europe, *J. Kornai, B. Rothstein, S. Rose-Ackerman (eds.) Creating Social Trust in Post-Socialist Transition*, New York, Palgrave Macmillan, 2004, pp. 213-240.
- Dawes R.M., Messick D.M. Social Dilemmas, *International Journal of Psychology*, 2000, vol. 35, no. 2, pp. 11-116.
- De Cremer D., Tyler T.R., den Ouden N. Managing Cooperation via Procedural Fairness: The Mediating Influence of Self-Other Merging, *Journal of Economic Psychology*, 2005, no. 26, pp. 393-406.
- Delhey J., Newton K. Who Trusts? The Origins of Social Trust in Seven Societies, *European Societies*, 2003, vol. 5, no. 2, pp. 93-137.

Delhey J., Newton K. *Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism*, Berlin, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, 2004, 40 p.

Delhey J., Newton K. Predicting Cross-National Levels of Social Trust: Global Pattern or Nordic Exceptionalism? *European Sociological Review*, 2005, vol. 21, no. 4, pp. 311-327.

Dinesen P.T. Where You Come From or Where You Live? Examining the Cultural and Institutional Explanation of Generalized Trust Using Migration as a Natural Experiment, *European Sociological Review*, 2013, vol. 29, no. 1, pp. 114-128. doi: 10.1093/esr/jcr044.

Encarnación O.G. *The Myth of Civil Society: Social Capital and Democratic Consolidation in Spain and Brazil*, New York, Palgrave Macmillan, 2003, 244 p.

Fehr E., Fischbacher Urs. The Economics of Strong Reciprocity, H. Gintis, S. Bowles, R. Boyd, E. Fehr (eds.) *Moral Sentiments and Material Interests. The Foundations for Cooperation in Economic Life*, Cambridge, MIT Press, 2005, pp. 151-193.

Fehr E., Gintis H. Human Motivation and Social Cooperation: Experimental and Analytical Foundations, *Annual Review of Sociology*, 2007, no. 33, pp. 43-64.

Freitag M., Buhlmann M. Political Institutions and the Formation of Social Trust. An International Comparison, *Politische Vierteljahresschrift*, 2005, vol. 46, no. 4, pp. 575-586.

Frohlich N., Oppenheimer J.A. Skating on Thin Ice: Cracks in the Public Choice Foundation, *Journal of Theoretical Politics*, 2006, vol. 18, no. 3, pp. 235-266.

Gintis H., Bowles S., Boyd R., Fehr E. (eds.) *Moral Sentiments and Material Interests. The Foundations for Cooperation in Economic Life*, Cambridge, MIT Press, 2005, 416 p.

Helliwell J.F. Well-Being, Social Capital, and Public Policy: What's New? *Economic Journal*, 2006, vol. 116, no. 510, pp. C34-C45.

Henrich J., Ensminger J., McElreath R. et al. Markets, Religion, Community Size, and the Evolution of Fairness and Punishment, *Science*, 2010, vol. 327, no. 5972, pp. 1480-1484.

Henrich J.P. *Foundations of Human Sociality: Economic Experiments and Ethnographic Evidence from Fifteen Small-Scale Societies*, New York, Oxford Univ. Press, 2004, 472 p.

Herrerros F. *The Problem of Forming Social Capital: Why Trust?* New York, Palgrave Macmillan, 2004, 125 p.

Holmberg S., Rothstein B. (eds.) *Good Government: The Relevance of Political Science*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2012, 368 p.

Holmberg S., Weibull L. (eds.) *Swedish trends : 1986–2008*, Göteborg, SOM Institute, Göteborgs university, 2009, 67 p. (in Swedish).

Hooghe M., Stolle D. (eds.) *Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in a Comparative Perspective*, New York, Palgrave Macmillan, 2003, 248 p.

Keefer P., Knack S. Social Capital, Social Norms and the New Institutional Economics, C. Menard, M.M. Shirley (eds.) *Handbook of New Institutional Economics*, Amsterdam, Springer, 2005, pp. 701-725.

Kumlin S. *The Personal and the Political: How Personal Welfare State Experiences Affect Political Trust and Ideology*, New York, Palgrave Macmillan, 2004, 222 p.

Kumlin S., Rothstein B. Questioning the New Liberal Dilemma: Immigrants, Social Networks and Institutional Fairness, *Comparative Politics*, 2010, vol. 41, no. 1, pp. 63-87.

Leung A., Kier C., Fung T., Fung L., Sproule R. Searching for Happiness: The Importance of Social Capital, *Journal of Happiness Studies*, 2011, vol. 12, no. 3, pp. 443-462. doi: 10.1007/s10902-010- 9208-8.

Levi M. *Consent, Dissent, and Patriotism*, New York, Cambridge Univ. Press, 1998, 276 p.

McDonald P.K. Useful Fiction or Miracle Maker: The Competing Epistemological Foundations of Rational Choice Theory, *American Political Science Review*, 2003, vol. 97, no. 4, pp. 551-565.

Miller G.J. Rational Choice and Dysfunctional Institutions, *Governance*, 2000, vol. 13, no. 4, pp. 535-547.

North D.C. Economic Performance Through Time, *M.C. Brinton, V. Nee (eds.) The New Institutionalism in Sociology*, New York, Russell Sage Foundation, 1998, pp. 247-257.

North D.C. Where Have We Been and Where Are We Going? *A. Ben-Ner, L. Putterman (eds.) Economics, Values and Organization*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1998, pp. 491-508.

Ostrom E. A Behavioral Approach to the Rational Choice Theory of Collective Action, *American Political Science Review*, 1998, vol. 92, no. 1, pp. 1-23.

Ostrom E. Crowding Out Citizenship, *Scandinavian Political Studies*, 2000, vol. 23, no. 1, pp. 3-16.

Ostrom E. *Understanding Institutional Diversity*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2005, XV, 355 p.

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1993, 258 p.

Putnam R.D., Feldstein L.D. *Better Together: Restoring the American Community*, New York, Simon and Schuster, 2003, 336 p.

Rawls J. *A Theory of Justice*, Oxford, Oxford Univ. Press, 1971.

Richey S. The Impact of Corruption on Social Trust, *American Politics Research*, 2010, vol. 38, no. 4, pp. 676-690. doi: 10.1177/1532673x09341531.

Robbins B.G. Neither Government nor Community Alone: A Test of State-Centered Models of Generalized Trust, *Rationality and Society*, 2011, vol. 23, no. 3, pp. 304-346. doi: 10.1177/1043463111404665.

Rose-Ackerman S. Establishing the Rule of Law, *R.I. Rotberg (ed.) When States Fail: Causes and Consequences*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2004, pp. 182-218.

Rose-Ackerman S., Kornai J. (eds.) *Building a Trustworthy State in Post-Socialist Transition*, New York, Palgrave Macmillan, 2004, 222 p.

Rothstein B. *Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State*, Cambridge, UK, Cambridge Univ. Press, 1998, 272 p.

Rothstein B. Sweden: Social Capital in the Social Democratic State, *R.D. Putnam (ed.) Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*, Oxford, Oxford Univ. Press, 2002, pp. 289-333.

Rothstein B. *The Quality of Government: Corruption, Social Trust and Inequality in a Comparative Perspective*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 2011, 304 p.

Rothstein B., Eek D. Political Corruption and Social Trust: An Experimental Approach, *Rationality and Society*. 2009, vol. 21, no. 1, pp. 81-112.

Rothstein B., Samanni M., Teorell J. Explaining the Welfare State: Power Resources vs. the Quality of Government, *European Political Science Review*, 2012, vol. 4, no. 1, pp. 1-28.

Rothstein B., Stolle D. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust, *Comparative Politics*, 2008, vol. 40, no. 4, pp. 441-459.

Rothstein B., Uslaner E.M. All for All. Equality, Corruption and Social Trust, *World Politics*, 2005, vol. 58, no. 3, pp. 41-73.

Sally D. Conversation and Cooperation in Social Dilemmas: A Metaanalysis of Experiments from 1958 to 1992, *Rationality and Society*, 1995, vol. 7, no. 1, pp. 58-92.

Satyanath S., Voigtlaender N., Voth H.-J. *Bowling for Fascism: Social Capital and the Rise of the Nazi Party in Weimar Germany 1919–33*, Cambridge, MA, National Bureau of Economic Research, 2013, 56 p.

Shapiro I. *The Flight From Reality in Human Sciences*, Princeton, Princeton Univ. Press, 2005, 232 p.

Stolle D. The Sources of Social Capital, *M. Hooghe, D. Stolle (eds.) Generating Social Capital: Civil Society and Institutions in a Comparative Perspective*, New York, Palgrave Macmillan, 2003, pp. 18-40.

Svallfors S. Government Quality, Egalitarianism, and Attitudes to Taxes and Social Spending: A European Comparison, *European Political Science Review (online preview)*, 2013, vol. 5, no. 3, pp. 363-380.

Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. On the Wealth of Nations: Bourdieueconomics and Social Capital, *Theory and Society*, 2003, vol. 32, no. 5-6, pp. 607-631.

Svendsen G.T., Svendsen G.L.H. (eds.) *Handbook of Social Capital: The Troika of Sociology, Political Science and Economics*, Cheltenham, UK, Edward Elgar, 2009, XVII, 460 p.

Tyler T.R. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law, *Crime and Justice. An Annual Review of Research*, 2003, no. 30, pp. 283-337.

Uslaner E.M. *The Moral Foundation of Trust*, New York, Cambridge Univ. Press, 2002, 298 p.

Uslaner E.M. *Corruption, Inequality, and the Rule of Law: The Bulging Pocket Makes the Easy Life*, Cambridge, UK, New York, Cambridge Univ. Press, 2008, XIII, 345 p.

Villoria M., Van Ryan G.G., Lavena C.F. Social and Political Consequences of Administrative Corruption: A Study of Public Perceptions in Spain, *Public Administration Review*, 2013, vol. 73, no. 1, pp. 85-94.

Winter I. (ed.) *Social Capital and Public Policy in Australia*, Melbourne, Australian Institute of Family Studies, 2002, 324 p.

Wollebæk D., Selle P. Participation and Social Capital Formation: Norway in a Comparative Perspective, *Scandinavian Political Studies*, 2003, vol. 26, no. 1, pp. 67-91.

Woolcock M., Narayan D. Social Capital: Implications for Development Theory, Research and Policy, *The World Bank Research Observer*, 2000, no. 15, pp. 225-249.

You Jong-sun. Social Trust: Fairness Matters More Than Homogeneity, *Political Psychology*, 2012, vol. 33, no. 5, pp. 701-721. doi: 10.1111/j.1467-9221.2012.00893.x.

Young H.P. *Individual Strategy and Social Structure: An Evolutionary Theory of Institutions*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1998, 208 p.